

© Н. А. Мишанкина

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.12)

УДК 81'42

ПРАГМАТИКА НАУЧНОГО ДИСКУРСА

Н. А. Мишанкина (Томск, Россия)

В статье рассматриваются прагматические интенции научного гуманитарного текста и дискурса, которые реализуются как на уровне научной коммуникации, так и на уровне концептуального моделирования объекта научного описания. Методология исследования базируется на теории концептуальной метафоры, предложенной Дж. Лакоффом и М. Джонсоном, в которой метафора рассматривается как когнитивная операция, основанная на процессе аналогии. Концептуальная метафора, используемая автором научного текста для представления объекта исследования, становится фокусом его прагматических интенций и имплицитно транслирует их адресатам текста через систему текстовых метафор, выступая в качестве основного инструмента моделирования. При этом научный текст, сохраняя внешние параметры объективности, передает прагматические (в том числе, оценочные) установки автора. Способы метафорического моделирования прагматических аспектов научного текста выявляются на материале академических текстов из области философии, лингвистики, истории.

Ключевые слова: прагматика, научный дискурс, язык науки, гносеологическая метафора, метафорическое моделирование.

Прагматические параметры научной коммуникации актуализировались в исследовательском поле сравнительно недавно, хотя дискурс науки с XVII в. осмысливается как институциональное закрепление познавательной деятельности человека. Параметры институциональности в аспекте текстопорождения связаны с установками: 1) на объективность, систематичность, методичность, критичность, максимально полное эксплицирование информации; 2) строгое жанровое определение, отражающее варьирование коммуникативных

установок; 3) стилистическое оформление, воплощающее специфические свойства (абстрактность, логичность, однозначность, нейтральность) научного текста. В работах, посвященных описанию научного стиля [1], определяется ключевая цель научной деятельности – точная, логичная и однозначная передача научной информации, в связи с чем, делается вывод о том, что научный стиль исключает реализацию субъективных интенций автора. Такое положение дел привело к тому, что вопрос о прагматических аспектах научного стиля не актуализировался.

Мишанкина Наталья Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка как иностранного, Институт международного образования и языковой коммуникации, Национальный исследовательский Томский политехнический университет.

E-mail: n1999@rambler.ru

Однако по мнению Ч. С. Пирса, автора семиотической теории, рассматривавшего прагматический аспект существования знаковых систем в триаде «семантика – синтактика – прагматика», познавательная деятельность тесно связана с семиозисом в целом, т. к. объективное знание о мире представляет собой результат семиотического договора в рамках социума, т. е. связывает знаки и ими оперирующих субъектов. Таким образом, из познавательной деятельности (и научного текстопорождения) невозможно исключить прагматику. Эту точку зрения разделяли такие исследователи как Ю. Хабермас и К.-О. Апель. Последний указывает на взаимодополнительность двух аспектов научного познания: исследование всегда связано с коммуникацией, т. к. выстраивается на основе интерпретации научных сообщений других исследователей, коммуникация и интерпретация всегда прагматичны [2]. Современная философия признает сложную синкретичную природу научного познания, а человеческий фактор считает одним из наиболее значительных и действенных. Она рассматривает науку, с одной стороны, как целостную социальную структуру, направленную на формирование системы объективных знаний о мире, с другой – как поле деятельности отдельных людей, имеющих, в том числе, прагматические интересы [3–4].

В лингвистических работах последних лет помимо того, что целый ряд исследований посвящен стилистическим особенностям научного текста в аспекте прагматики [5–6], все чаще объектом научного исследования выступают собственно прагматические смыслы научного текста. Е. М. Крижановская рассматривает коммуникативно-прагматическую структуру научного текста как содержательно-смысловую, т. к. она формирует общую прагматическую направленность всего произведения [7]. В аспекте теории речевых

актов рассматривается прагматический потенциал научно-популярного и научного текстов [8–10]. В названных работах рассматриваются текстовые способы организации восприятия информации. Однако появляются работы акцентирующие внимание на прагматике другого типа: в статье В. И. Ладыжниковой в качестве прагматического ядра научного текста предлагается рассматривать тему научного текста, как определяющую главную прагматическую установку автора [11]. З. Ф. Курбанова, рассматривая прагматические основы научного стиля и средства внутренней диалогизации, выявляет ключевую текстообразующую роль метафоры как средства структурирования информации в рамках абзаца [12]. По мнению Л. А. Шорыгиной именно метафора служит средством имплицитной оценки в научном тексте [13]. Таким образом, можно говорить о том, что современная лингвистика обнаруживает прагматические параметры научного текста и дискурса, и одним из ключевых средств в реализации прагматической функции признается метафора.

Исследование специфики лингвокогнитивного моделирования научного дискурса показывает, что научный дискурс моделируется как особое ментальное пространство средствами естественного языка, и основной лингвокогнитивной моделью выступает концептуальная метафора, реализующая гносеологическую функцию [14]. Понимание метафоры как гносеологического механизма развивается в работах ученых XX в. Одним из первых обращается к ней Х. Ортега-и-Гассет, с постановки этой проблемы начинает свою работу М. Блэк, затрагивают ее Д. Дэвидсон, Н. Гудмен, А. Ричардс, Ф. Уилрайт, П. Рикер. Наиболее последовательно концепция метафоры как познавательного, когнитивного механизма (теория концептуальной метафоры) была представлена в работе Дж. Лакоффа,

М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» [15].

В отечественной науке одной из первых работ, в которой научная метафора рассматривается как неотъемлемый компонент научной деятельности, является работа В. В. Петрова [16]. Автор определяет специфичность научной метафоры, которая, в отличие от экспрессивной, двуплановой метафоры, опирается только на представление об одном реальном объекте и в этом смысле всегда представляет собой гипотезу объекта исследования. В этой связи актуализируется еще одно важное для гносеологической роли метафоры понятие – «эпистемный доступ» [17] – степень познавательной доступности объекта. Вербальное оформление нового знания в научном тексте должно удовлетворять одновременно двум значимым условиям: опираться на широкий эпистемный доступ и максимально отражать свойства объекта описания (с точки зрения автора), формируя его гипотетическую, открытую для обсуждения, модель. Наиболее эффективным механизмом здесь является метафоризация.

Цель нашей статьи – выявление прагматического потенциала гносеологической метафоры в рамках гуманитарного научного дискурса. В качестве материала исследования послужили тексты по философии, лингвистике, истории.

Анализ специфики формирования внутритекстовой метафорической системы, отражающей модель объекта исследования, показал, что в различных гуманитарных сферах этот процесс осуществляется подобным образом. Каждый научный текст, как целостное высказывание в рамках научного дискурса, представляет модель объекта научного познания, которая выстраивается на основе механизма метафоризации. Выбор модели для

представления объекта является прагматическим актом, т. к. определяется внутренними интенциями автора и его аксиологической системой. Но практически любая метафорическая единица обладает прагматическим, а иногда и суггестивным, потенциалом и, соответственно, предопределяет читательское восприятие предлагаемых моделей в силу того, что автор и читатель являются носителями одного языка и одной картины мира, разделяя ее аксиологические модусы. Избранная модель может не обладать эксплицитной оценочностью, но потенциально каждая концептуальная метафора тесно связана с аксиологической системой в целом. Например, в статье «Язык и смерть» В. П. Руднев, чтобы охарактеризовать современное состояние лингвистики и философии языка, обращается к парадигмальным моделям, определяющим развитие этих гуманитарных наук в XX в. [18]. Модель, которую автор называет картезианской, берет начало в работах Ф. де Соссюра и развивается в работах структуралистов. Ей противопоставляется иная модель, имплицитная, выводимая на уровень теоретического осмысления только в конце века, но берущая свое начало в психоаналитической практике З. Фрейда. Автор встраивает их в аксиологическую шкалу архетипической модели «жизнь – смерть», где жизнь оценивается положительно, а смерть – отрицательно и, не давая прямой оценки, апеллирует к аксиологической системе читателя. Приведем в качестве иллюстрации текстовые фрагменты, в которых представлено описание обеих моделей.

Картезианская модель: *Пропозициональная же логика, <...> которая, возникла под воздействием критики языка в разлагающейся, умирающей австро-венгерской монархии, <...> пропозициональная логика, “узкий мир” которой <...> напоминает гроб,*

это логика смерти; ...искусственные логические языки позитивистов и предполагались как мертвые языки, языки, на которых вообще не разговаривают и уж, во всяком случае, такие языки, на которых невозможно обсуждать проблемы жизни и смерти. Дискретность, расчлененность соответствует разложению, геометризации, упрощению структуры, равновероятности, энтропии, то есть, в конечном смысле, смерти как формы [18].

Модель психоанализа: *...определенное высказывание, кусочек жизни; Речь – последняя ниточка, связывающая умирающего с жизнью; Существует распространенный сюжет, когда смерть отсрочивают или побеждают при помощи речи...; ...повседневная речь в гораздо большей степени наполнена жизнью, нежели смертью...; Так, если кто-то говорит “Такой-то умер”, в ответ уместно возразить: “Не может быть, я с ним только позавчера разговаривал”; “невнятный” язык жизни в той или иной мере использовали Гуссерль и Хайдеггер...; Живой язык – это такой язык, который может “работать” и с жизнью, и со смертью. Редукционистский мертвый язык не может и не призван работать ни с тем, ни с другим; Речевая деятельность в целом направлена на поддержание жизни [18].*

При этом в основе попыток познать язык должен лежать принцип дополнительности, т. к. каждая из моделей выполняет свою функцию и не может быть универсальной. Для презентации и одновременно иллюстрации этого положения автор прибегает в тексте к фольклорной метафоре: *два противоположных языка, как мертвая и живая вода в фольклоре, делали все, чтобы человек начала века привык к технике, к кино, к идеям теории относительности. Для того чтобы структурировать все это, понадобился мертвый язык*

математической логики, логического позитивизма и структурализма. Для того чтобы с этим жить, к этому приспособливаться, понадобился психоанализ и экзистенциализм [18].

Исторический научный текст выглядит гораздо более «научным» по отношению к текстам гуманитарного дискурса в силу того, что в нем обычно представлен значительный фактографический материал. Однако исторический текст, также как и другие виды гуманитарных текстов, представляет метафорическую систему, репрезентирующую модель объекта. Для иллюстрации этого положения рассмотрим систему текстовых метафор в работе С. Г. Кара-Мурза «Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века» [19]. Гражданская война метафорически представлена в тексте как «война Европы и Азии». Эта метафора является ключевой для автора и проходит в различных вариациях через весь текст: *Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является <...> зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... [19]. Для усиления эффекта «различности» мировоззрений автор даже «помещает» Россию на отдельный континент: *Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России... [19].**

Гражданская война – реальное историческое событие – в тексте становится метафорой, посредством которой осмысливается различие государственных систем. Один из подзаголовков в тексте выглядит следующим образом: *Два типа государственности, ставших врагами.* Метафорическая модель «нечто – человек» позволяет представить тип государственности как антропоморфное существо. Вторая модель репрезентируется в тексте лексемой *враги*, определяя тип отношений: враг – этот тот, с кем воюют и кого нужно победить.

Различие между государственными системами актуализируется представлением их посредством различных метафорических моделей. Государственная система Советов, поддерживаемая большевиками, интерпретируется автором через растительную и анимационную модели: *В России Советы выросли именно из крестьянских представлений об идеальной власти. ...Важно то, что эта антибуржуазность органов рабочего самоуправления была порождена не классовой ненавистью, а именно вытекающей из мироощущения общинного человека ненавистью к классовому разделению, категорией не социальной, а цивилизационной* [19]. Органическую взаимосвязь мироощущения русского народа и Советов автор представляет как *вырастание*, заостряя таким образом внимание на том, что этот тип государственной системы был наиболее близким, естественным для русского крестьянина. Далее автор соединяет несколько структурных метафорических моделей, что позволяет, во-первых, представить процесс формирования нового государственного строя как объективный, протекающий естественным образом, на ход которого человек не оказывает влияния: *Та сила, которая стала складываться после Февраля... была выражением массового стихийного движения*; во-вторых, представить его сквозь призму категории «свое – чужое»; в-третьих, как конструктивный – связанный с созданием новой жизни.

Другой тип государственной системы – буржуазно-либеральный – интерпретируется в противоположность первому как «чужой», заимствованный и неорганичный русскому мен-

талитету. При этом конфликт в сфере мировоззрения представлен как взаимодействие объектов в физическом пространстве и «навязывание» «чужим» типом государственности направления движения в этом пространстве: *Понятно, что попытка отодвинутых в Октябре буржуазно-либеральных движений силой вернуть Россию на траекторию создания общества и государства по типу западного капитализма (хотя бы периферийного) не могла не вызвать гражданской войны* [19]. Эта метафора вносит новый смысловой нюанс в развитие взаимодействия между «своим» и «чужим» типом государственности и народом: народ, выбрав «свой», имманентный ему тип государственности – траекторию движения, двигается в нужном направлении, а представители «чужого» типа пытаются силой заставить двигаться в другом, ненужном направлении, что и вызывает конфликт. Имплитная оценка моделируемых объектов осуществляется в данном случае за счет опоры на базовый архетип «свои – чужие», который преломляется в различных метафорических моделях.

Итак, анализ текстов гуманитарного дискурса показывает, что гносеологическая метафора составляет ядро авторской модели изучаемого объекта. В отдельном тексте всегда моделируется новое представление об объекте, эксплицируется оно через систему текстовых метафор гносеологической направленности, которые базируются на архетипических моделях, аксиологически ориентированных, репрезентирующих устойчивую систему оценок тех или иных явлений, что, вероятно, можно расценивать как прагматическую ориентированность и даже суггестию научного текста.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. – М.: Просвещение, 1993. – 224 с.

2. **Тутнер Г. Б.** Прагматика // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – М.: Канон+, 2009. – 1248 с.
3. **Кун Т.** Структура научных революций. – М.: Прогресс, 1975. – 287 с.
4. **Степин В. С.** История и философия науки. – М.: Академический проект, 2011. – 423 с.
5. **Красильникова Л. В.** Жанр научной рецензии: семантика и прагматика. – М.: Диалог-МГУ, 1999. – 137 с.
6. **Котюрова М. П.** Творческая индивидуальность и цитирование // Стереотипность и творчество в тексте. – Пермь, 2001. – вып. 7. – С. 244–258.
7. **Кржижановская Е. М.** Коммуникативно-прагматическая структура научного текста: АКД. – Пермь: изд-во Перм. ун-та, 2000. – 23 с.
8. **Шевцова Н. В.** Научный дискурс и его лингвистическая прагматика // Педагогический университетский вестник Алтая. – 2003. – № 4. – С. 113–116.
9. **Таюпова О. И.** Прагматика научно-популярного текста // Актуальные проблемы контрастивной лингвистики, типологии языков и лингвокультурологии в полиэтничном пространстве. – Уфа: Башкирский государственный университет, 2011. – Ч. 2. – С. 135–143.
10. **Баженова Е. А.** Средства адресации в научном тексте [Электронный ресурс] // Медиаскоп. – 2012. – Вып. 4. – URL : <http://www.mediascope.ru/node/1240> (дата обращения 23.01.2015)
11. **Ладыхникова В. И.** Тематическое развертывание и прагматическое фокусирование в научном тексте [Электронный ресурс] // Вестник БФУ им. И. Канта. – 2010. – Вып. 02. – URL : http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6bf/aobrbyaswbmnrxahkqaor%20oc.lq_65-70.pdf (дата обращения 23.01.2015)
12. **Курбанова З. Ф.** Диалогичность научной речи в аспекте экспрессивности и прагматики: АКД. – Махачкала: изд-во Дагестанского гос. пед. ун-та, 2004. – 24 с.
13. **Шорыгина Л. А.** Неявная оценка в научных текстах, создаваемая стилистическим приемом метафоры // Вестник МГЛУ. – 2007. – № 521. – С. 28–35.
14. **Мишанкина Н. А.** Метафора в науке: парадокс или норма? – Томск: Изд-во Томского государственного университета, 2010. – 282 с.
15. **Лакофф Д., Джонсон М.** Метафоры, которыми мы живем. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
16. **Петров В. В.** Научные метафоры: природа и механизм функционирования // Философские основания научной теории. – Новосибирск: Наука, 1985. – С. 196–220.
17. **Boyd R.** Metaphor and Theory Change // Metaphor and Thought. – Cambridge: University Press, 1979. – P. 481–533.
18. **Руднев В. П.** Язык и смерть. (Психоанализ и «картезианская» философия языка XX века) // Логос. – № 1 (22). – 2000 – С. 111–138.
19. **Кара-Мурза С. Г.** Гражданская война (1918–1921). Урок для XXI века. – М.: ЭКСМО, 2003. – 384 с.

DOI: [10.15293/2226-3365.1502.12](https://doi.org/10.15293/2226-3365.1502.12)

Mishankina Natalia Aleksandrovna, Doctor of Philological Science,
Professor of the Russian as a Foreign Language Department, Institute of International Education and Language Communication,
Tomsk Polytechnic University, Tomsk, Russian Federation.
E-mail: n1999@rambler.ru

PRAGMATICS OF SCIENTIFIC DISCOURSE

Abstract

The article discusses the pragmatic intentions of scientific humanitarian text and discourse which are realized both at the level of scientific communication and at the level of conceptual modeling of the scientific description object. The methodology of the research is based on the theory of conceptual metaphor proposed by Lakoff and Johnson where the metaphor is considered as a cognitive activity associated with analogy processes. The conceptual metaphor used by the scientific text author for research object representation becomes a focus of their pragmatic intentions and implicitly transmits them to the text receivers through the system of textual metaphors being as a basic tool of modeling. In this respect the scientific text preserving the obvious parameters of objectiveness expresses author's pragmatic (incl. evaluative) attitude. The academic texts in the sphere of philosophy, linguistics and history have become the source material for specification of the ways of metaphorical modeling of the scientific text pragmatic aspects.

Keywords

Language of science, scientific discourse, conceptual metaphor, metaphorical modeling, pragmatics.

REFERENCES

1. Kozhina M. N. *Stylistics of the Russian language*. Moscow, 1993. (In Russian)
2. Tutner G. B. *Pragmatics. Encyclopedia of epistemology and philosophy of science*. Moscow, Kanon+ Publ., 2009. (In Russian)
3. Kuhn T. *The Structure of Scientific Revolutions*. Moscow, Progress Publ., 1975. (In Russian)
4. Stepin V. S. *History and Philosophy of Science*. Moscow, Academic Project Publ., 2011. (In Russian)
5. Krasil'nikova L. V. *Genre of scientific review: Semantics and Pragmatics*. Moscow, Dialog-MSU Publ., 1999. (In Russian)
6. Kotyurova M. P. The creative individuality and citation. *Stereotyping and creativity in the text*. Perm, 2001, pp. 244–258. (In Russian)
7. Krzhizhanovskaya E. M. *Communicative and pragmatic structures of scientific text*. Perm, 2000. (In Russian)
8. Shevtsova N. V. Scientific discourse and linguistic pragmatics. *Altai Pedagogical University Bulletin*. 2003, pp. 113–116. (In Russian)
9. Tayupova O. I. Pragmatics of popular scientific text. *Actual problems of contrastive linguistics, language typology and linguistics in a multiethnic space*. Ufa, BSU Publ., 2011, pp. 135–143. (In Russian)

10. Bazhenova E. A. Means of addressing in scientific text. *Mediascop*. 2012, Issue 4. Available at: <http://www.mediascope.ru/node/1240> (In Russian)
11. Ladyzhnikova V. I. Thematic deployment and pragmatic focus in the scientific text. *IKBFU's Vestnik*. 2010, Issue 02. Available at: <http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/6bf/aobrbwyaswbnmrx-ahkqaor%20oc.lq.65-70.pdf> (In Russian)
12. Kurbanova Z. F. *Dialogic scientific speech in terms of expressiveness and pragmatics*. Mahachkala, 2004. (In Russian)
13. Shorygina L. A. Implicit in the evaluation of scientific texts created by stylistic device metaphors. *MSLU Vestnik*. 2007, no. 521, pp. 28–35. (In Russian)
14. Mishankina N. A. *Metaphor in Science: paradox or norm?* Tomsk, Tomsk State University Publ., 2010. (In Russian)
15. Lakoff D., Johnson M. *Metaphors We live by*. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004. (In Russian)
16. Petrov V. V. Scientific metaphors: the nature and mechanism of their functioning. *Philosophical Foundations of scientific theory*. Novosibirsk, Science Publ., 1985, pp. 196–220. (In Russian)
17. Boyd R. Metaphor and Theory Change. *Metaphor and Thought*. Cambridge, University Press Publ., 1979, pp. 481–533.
18. Rudnev V. P. Language and Death. (Psychoanalysis and "Cartesian" philosophy of language of the twentieth century). *Logos*. 2000, no. 1 (22), pp. 111–138. (In Russian)
19. Kara-Murza S. G. *The Civil War (1918–1921). Lesson for the XXI Century*. Moscow, EXMO Publ., 2003. (In Russian)